

вають предо мной, и прежде всѣхъ, и яснѣе всѣхъ моя бабушка, крѣпкая, «день денской» постоянно на ногахъ и въ хлопотахъ, ворчунья съ безумной добротой въ глазахъ... О, какъ часто грозила ты мнѣ постегать свѣжей крапивой спину, и какъ весело я смѣялся этимъ угрозамъ и вмѣсто крапивы всегда получалъ что нибудь гораздо болѣе вкусное и питательное... Я любилъ вертѣться около бабушки; она была такая веселая, живая, съ громкимъ голосомъ и громкимъ смѣхомъ, и она рассказывала такія славныя сказки. Но, хоть убей, я не помню теперь бабушкиныхъ сказокъ, и только одинъ рассказъ такъ глубоко вѣзался въ памяти, что и теперь, вспоминая бабушку, я вспоминаю и ея рассказъ, какъ она устраивала семью. Часто и охотно она вспоминала объ этомъ; любилъ я слушать ея быль, и мое дѣтское сердце горѣло и страдало за баловницу-разсказицу. То была грустная исторія, полная разнообразныхъ хожденій по инстанціямъ, обиды, неправды. Смутно помню я инныя подробности, но зато колоритъ разсказа до сихъ поръ совершенно ясенъ. Исторія начиналась трагически: дѣдушка уѣхалъ въ деревню съ требой и оттуда воротился—мертвымъ: онъ умеръ скоропостижно... На рукахъ у бабушки осталась семья: двое учащихся сыновей и три невѣсты-дочери, и затѣмъ ничего, кромѣ надежды, что можетъ быть по обычаю за одной изъ дочерей оставить мѣсто «съ присканіемъ жениха». Нужны были во всякомъ случаѣ хлопоты, а начальство, недовольное покойнымъ, еще обрадовалось случаю выказать свое недовольство на несчастной и безпомощной семьѣ...

— Что дѣлать! И отъ горя-то сердце разрывается,—да тутъ еще идола эти изо рта послѣдній кусокъ рвутъ... Ахъ,—мои ба-тюшки,—горько какъ!.. Пережить то время не чаяла!—и голосъ бабушки нервно дрожалъ, слеза блестѣла на глазахъ; и жалко было баловню-внуку своей милой бабушки...

Мѣсто наше было не плохое, и кому-то выходила очень хорошая «линія» занять весь погостъ своими родственниками. Для этого не жалѣли денегъ. Если бы, впрочемъ, и бабушка, какъ оказывалось изъ ея разсказа, заткнула бы ротъ одному, да сунула бы тому-то, да подмазала такого-то, такъ и ея дѣло пошло бы въ ходъ и уладилось. Но въ томъ-то и дѣло, что рѣшительно нечѣмъ было «сунуть и подмазать»... Всѣ ей говорили, что дѣло ея пропащее. Одинъ только братъ ея, дѣдушка Матвѣй, подержалъ и утѣшилъ беззащитную сестру.

Отчаяніе придавало бабушкѣ храбрости (она, впрочемъ, и безъ того, по видимому, никого и ничего не боялась) и «сло-